

РЕКЛАМНАЯ
БИБЛИОТЕЧКА
ПОЭЗИИ

**АРКАДИЙ
МАЛАШЕНКО**

**ДЕРЕВНЯ БЕЗ
НАЗВАНЬЯ**

«РБП», Москва, 1995

50 лет ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

К нему спешат — бегут или ползут.
Ему — стихи, молитвы, песнопенья,
А тронь его — в секунду загрызут.

Он им на час включает телевизор,
Дает от ванной комнаты ключи
И не ворчит, что летом на карнизах
Они сидят, как черные грачи.

И жизнь идет с заката до рассвета,
И в каждой комнате — одно
и то ж —
Рассказы о чудесных, добрых детях,
Которых здесь не видывал никто.

И благостно им в этакой юдоли,
Всем этим людям, мертвым
изнутри...
Оборони, Господь, от этой доли
И лучше смерть в дороге подари...

* * *

А в небе звезды холодно горят,
Как очаги моих бездомных предков.
Ты говоришь, зато глаза молчат,
И снег скрипит колюче и враждебно.
Воспоминаний вспененный прибой,
Идя в откат, опять тебя удержит,
И только память греет нас с тобой,
Как свет звезды, давно уже
умершей.

МЫСЛИ В ЛЕСУ

Все будет так, как есть. Со мной
и без,
С лыжней, куда-то от меня
спешащей.
И стал мне страшен этот черный
лес,

Пронзительной враждебностью
дышащий.

И жуткий смысл его небытия,
А мыслей я узнал и содрогнулся.
Он прочитал меня и как судья
В свод вечности законов окунулся.

Вот-вот поднимет беспощадный
взор,
Увидит пыль на месте человека.
И огласит суровый приговор —
Мой след смета
С лица земли!
Навеки.

СКРИПКА НА КЛАДБИЩЕ

И нет от печали спасенья —
В прохладе закатной зари
На кладбище по воскресеньям
Играет на скрипке старик.

Играет он перед могилой,
Упрятанной в серый гранит,
Где девушка с профилем милым
С портрета на вечность глядит.

Что хочет он музыкой странной
Спросить или может понять?
Как будто бы долг невозвратный
Кому-то возжаждал отдать.

Взлетают и падают звуки,
Зовут или гонят весну.
Не бледные руки, а муки
Терзают мольбою струну.

И страшная правда прозренья
Такой прорастает мольбой,
Как будто он просит прощенья
За то, что прощает лишь бог.

И все же, и все же, и все же
Я жду за оградкой простой.
Ведь вечность недаром тревожит
Судьбу стариковской рукой.

ПРОСТИ

Жене

Ты попросила: напиши
И обо мне стихотворенье,
Чтоб в нем узнала отраженье
Своей я собственной души.

Про гром, что к вечеру стихал,
Про ночь, когда приходит счастье,
Про то, что тоже я причастна
К твоей судьбе, к твоим стихам.

Всю ночь писал я напролет,
Как ты просила, не иначе —
Про птицу, что все время плачет,
А люди думали — поет.

ТЫ ПОМНИШЬ?

Ты помнишь ли этот февральский

полет

И вечер пронзительно темный,
И наша лыжня никуда не ведет?..
— Я помню, я помню, я помню.

А помнишь, как я на коленях стоял,
Неистойвой нежности полный,
Как руки твои я к губам

прижимал?..

Я помню, я помню, я помню.

А помнишь, когда от тебя уезжал,
Весь мир мне казался бездомным,
Не письма, а клятвы тебе я писал...
— Я помню, я помню, я помню.

А как я тебя вдруг нелепо терял
И падал я в омут бездонный.
Но ты приходила — и я воскресал...
— Я помню, я помню, я помню.

Так что же с тобой? Ведь мы те же,
очнись!
Чего ж ты стоишь как чужая?
Ведь ты — это я, а мы — это
жизнь...
— Не знаю, не знаю, не знаю...

* * *

А в селении Лебеди нету лебедей.
И того страшнее — нету там людей.
По дворам порушенным телки не
мычат,
А печные трубы как кресты торчат.

Сердце мое странное,
что кричишь ты мне?
Тысячи селений сгнули в стране.
Тысячи селений заросли травой —
Разве ты не слышишь псов
надрывный вой?

Слышу я, но все-таки мне
стократ больней,
Что в селении Лебеди нету лебедей,
Что с последним лебедем унесло
в рассвет
Песни, у которых будущего нет.

* * *

Не дышится, а оттого не пишется
В прицеле заторможенных минут.
Стихи в столе, вдруг став
обузой лишнею,
Проклятья мне и этой жизни шлют.

Все платежи духовные просрочены,
Добро не отличаю от греха.
И хочется поставить многоточие
Уже за первой строчкою стиха.

НИЩИЕ В МОСКВЕ

Какие нищие в Москве!
В собольих шубах, в «Мерседесах»,
Таскают в номер стюардессок,
Платя за ласки в СКВ.

Бедняги, в Нище пиццы жрут
И на Канарах загорают.
А все равно их презирают
И всюду на три буквы шлют.

Судьба, ты пожалей калек!
В «очко» просадит миллионы
И шлюху вымоет в лосьоне —
А все равно не человек.

Подайте милостыню им
Шопеном, Генделем и Бахом,
Шекспиром, Врубелем и страхом
Всю жизнь остаться вот таким:

Убогим и везде чужим,
Рабом золотого вощья...
Подай им Бог на пропитание,
На пропитание души!

ПРИДНЕСТРОВЬЕ

Я извинюсь перед любовью,
Что ей всей правды не сказал...
Мне снова снится Приднестровье —
И просыпаюсь я в слезах.

Судьбою предано и матерью,
Твои границы — как петля,
Ты им страшна, полураспятая,
Непокоренная земля.

Ты им страшна народной славою,
Что за решетки не упечь,
Ты им страшна народной правдою,
Которую в огне не сжечь.

Прости, коль можешь,
Приднестровье,
Что далеко я, что не тут.
С тобой одной мы группы крови,
Одною пулей нас убьют.

И мы бы были не в обиде
За этот смертный наш удел,
Но только бы Господь увидел,
Но только бы Господь прозрел!

ДЕРЕВНЯ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Один мужик остался — Ваня
Трушкин,
Да и тому деревня — что тюрьма.
Москва прибрала ветхие избушки
И шустро превратила в терема.

Абориген деревни в пьянке черной
Хозяйство забулдыжно растерял,
Шумит по-забулдыжному, да
гордость
На дачные «стопарики» сменял.

Тому забор, тому стропила сладит,
Тому покажет ягодник в лесу,
Тому сварганит колкий
палисадник —
За все Ивану стопку поднесут.

А ведь когда-то здесь село стояло
На сто дворов. И что ни сруб —
то храм,
Пшеницу жало, мужиков рожало
И отряжало по семи ветрам.

Тридцатые скосили четвертину,
Две трети прибрала к рукам война.
И мужнины рубахи из холстины
Обвыли бабы, мучаясь без сна.

А девки ждали ночи как расстрела,
С пустой душой входили в дом
пустой.

О, как в ночи бесчинствовало тело
И требовало ярости мужской!

А городок, хоть и голодный, —
рядом,
Семь тысяч лбов — чубы наперекос...
И вымерло село однажды разом,
Как грядки помидорные в мороз.

И вот она, деревня без названия:
Десяток дач, могилы — три креста
И их хранитель — забулдыжный
Ваня,
Иван, давно не помнящий родства.

Их тыщи, сел, сморило и скосило,
Мертвотворяща их больная плоть.
А ведь от них, от деревень, Россия
Черпала силы, чтоб беду бороть.

Да, понимаю, это все не просто,
Но вижу, вижу — там и сям вдали
Стоят не деревеньки, а погосты,
К которым все тропинки заросли.

УШЛИ ВЕЛИКИЕ

*Нету их — и все
разрешено...
Д. Самойлов*

Ушли великие —
И пусто.
Их имена — наперечет...
Ушла Поэзия,

А Муза
С чужого голоса поет.
Замолкло сердце,
Только разум
Еще пускаем в оборот,
Боясь,
Как смерти, как проказы,
Словечка бранного —
Народ.
Поэзия.
Без Божьей искры!
Течет
Мертворожденный стих.
И даже на самоубийство
Нам мужества не наскрести.
И лишь во сне,
Как стон из горла,
Который не остановить,
Кровоточащие глаголы
Находят нас,
Чтобы убить!

* * *

А я живу в лесу один, как Бог,
Коль не считать сороки
сумасбродной...
Следы от женских торопливых ног
Ведут от двери, а не в дом
холодный.

Но я живу две жизни, две судьбы,
Есть два меня, один другого
краше.

Один дойдет до этой вот избы,
Затопит печь и спать на печку
ляжет.

Ну а второй в пучине снеговой
Найдет беседку, где в любовь
поверил,
И будет всласть смеяться над
собой —

И над вторым смеяться, и над
первым.

Но завтра сердце, как всегда,
пойдет
Искать тот след
в затерянных сугробах...
И первый сплюнет, а второй
всплакнет —
И неправы, и правы будут оба.

* * *

Когда я замерзал в айонской тундре
И вертолет не мог меня найти,
Когда песцы вокруг меня сидели,
Повизгивая в предвкушение пира,—
Тогда меня нашли ее глаза,
Ее любовь согрела и спасла.

Я слышу чей-то голос: Боже мой
Слова какие, будто в романсе!
Но что поделать, если было так:
Меня нашли в снегах ее глаза,
Любовь ее согрела и спасла,
Когда я замерзал в айонской тундре
И вертолет не мог меня найти.

МАГАЗИН В СЕЛЕ ГЛУХОВО

Да, в Малеевке было веселье...
А к утру я остался один,
И поплелся я грустно с похмелья
В жалкий глуховский магазин.

Полки были пусты и постыдны:
Мыла черного пару кусков,
Карамель непотребного вида
Да печенье—хоть бей молотком.

За прилавком — небритая
личность —

То ли вор, то ли глуховский князь.
И покорная бабья наличность
В ожиданье сосисок толклась.

Как уйдешь, если надо — до нормы?
И тем более на меня
Как великий посланник реформы
Зубы скалил французский коньяк.

Да, цена на него преужасная —
На троих ну никак не поднять.
Глуховчане, как зубры на красное,
Только фыркали на коньяк.

Из «зачки», из засекреченной,
На дензнаки, что накопил,
Взял коньяк и на заднем крылечке
С мужичками его раздавил.

И коньяк вонючий французский,
Что зверил мужиков — не тронь,
Воедино слил души русские —
Песню в зубы да в руки гармонь.

Все обняли меня по-приятельски,
И ушел я, невольно стремясь
Донести под тулупом писательским
До стола их привет и приязнь.

Снег хрустел тяжело и молодо,
Лес застыл у Глухова глух.
А вослед мне, зверея от голода,
Все орал обреченно петух.

УХОДИТ РОССИЯ

Уходит Россия от нас
В неведомое куда-то.
В славянский иконостас
Впечатан анфас супостата.
Очнись, россиянин! Уже
Под игом ты ходишь подспудным

И место Иисуса в душе
Хозяйственно занял Иуда.
Ужель не слышал, как в тиши
Под скальпелем песня хрипела?
Идет пересадка души
В твое инородное тело.
Немного еще подскоблят,
Подкрасят ненашенским гримом...
От русского у тебя
Осталось одно только имя.
Куда ж мне молитву нести,
Где лик осенить свой перстами?
На всем православном пути
То фобствуют, то мандельштамят.
И Пушкин твой — антисвятой,
В кино твоём — антишукшинство.
И бог твой — плебейский «Плейбой»,
И счастье — нашлепка на джинсах.
Поэты постны, как посты,
Поэты пусты и постылы.
Поэзия, вспомни, что ты
Когда-то России служила!
Подъемлем же строк кулаки
Над треньканьем тронным и
трупным.

Иди, мое слово, в полки
Российских словес неподкупных.
Иди в бесприют, в беспокой,
В бесправие, ставшее явью,
И с каждою русской строкой
Дели, как горбушку, бесславье.
Тогда-то в крови и во мгле
Родится в страданьях мессия,
Родится в тебе и во мне
И наречется

Россия!

Аркадий Малашенко родился в 1937 году в Минске. Жил и работал в Молдавии, на Чукотке, на целине. Автор шести поэтических сборников и пяти книг прозы.

В настоящее время живет в Переславле-Залесском.
Член Союза писателей.

Издание выходит в авторской редакции.

«Федеральная целевая программа книгоиздания России»

М 4072010202 — 0505 Без объявл.
6М4 (03) — 95

ISBN 5—7612—0130—5

© Малашенко А., 1995

© «РБП», состав, оформление, 1995

Составитель Библиотечки — В. А. Ленцов. Редактор — В. П. Максимов.
Художник — И. А. Шляев. Корректор — И. Е. Данилина.
Технический редактор — Н. С. Шуришалова.
Тираж 1000 экз. Цена договорная. Заказ 8248. Типография № 6 ВИ

